

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТА

Дональд В. Винникотт

В данной статье я предлагаю обсудить проблему использования объекта. Мне кажется что исследователи уже уделили достаточно много внимания смежной проблеме - отношению к объектам. Вопрос об использовании объекта не рассматривался столь подробно и возможно даже не изучался специально. Эта работа об использовании объекта связана с опытом, полученным мною за время клинической работы. Я не могу, естественно, утверждать, что другие психоаналитики стремились и стремятся идти по тому же пути, что и я, но не могу отметить, что здесь прослеживается определенная преемственность.

Моя работа, о переходных объектах и явлениях, вышедшая после статьи "наблюдение за детьми в смоделированной ситуации" (Winnicott 1941) известна достаточно хорошо. Понятие использования объекта, несомненно, связано со способностью к игре. Не так давно я затронул вопрос о творческой игре, который имеет непосредственное отношение к теме данной статьи. Моя точка зрения также естественным образом связана с рядом концепций о поддерживающей среде, облегчающей индивиду открытие своего «я». Если не удастся создать эту среду, то возникает целый ряд расстройств характера, связанных с образованием различных форм ложного «я», которые являются следствием недостаточной степени самовыражения и самопознания. Все это имеет для меня смысл из-за особого значения, которое я придаю своей работе над тем, что я назвал «переходными явлениями», и изучению доступных наблюдению врача мелких деталей, отражающих процесс постепенного формирования способности индивида к игре, а также к обнаружению и последующему использованию «внешнего» мира с его собственной независимостью и автономией.

То о чем пойдет речь в этом в этом докладе, является очень простым по своей сути. Хотя он и базируется на моем психоаналитическом опыте, я не могу сказать, что данный материал мог появиться лет двадцать назад, так как до этого я не владел техникой осуществления

трансферентных действий, которую я хотел бы сейчас описать. Лишь в последние годы я, например, научился дожидаться естественного развития переноса, основанного на растущем доверии пациента к психоаналитической технике и сеттингу, и избегать нарушения этого естественного процесса своими интерпретациями. Следует заметить, что я имею здесь в виду не сами интерпретации как таковые, а технологию их создания. Рассуждая с точки зрения некоей классификационной категории, мне страшно даже подумать о тех глубоких изменениях, которые я не допустил или задержал у своих пациентов из-за своей личной потребности в интерпретациях. Если мы научимся ждать, то пациент сам творчески придет к пониманию, испытывая при этом огромную радость, которая теперь доставляет мне большее наслаждение, чем доставляло раньше ощущение своего ума. Я думаю, что мои интерпретации главным образом помогают пациенту узнать границы моего понимания. Дело в том, что только пациент знает ответы на все вопросы, и в наших силах сделать его способным охватить известное или согласиться с ним.

По-иному обстоит дело с интерпретационной работой, которую обязан выполнять аналитик и которая отличает анализ от самоанализа. Обязательным условием эффективности его интерпретаций является способность пациента помещать аналитика за пределы области субъективных феноменов. Речь идет о способности пациента использовать аналитика, что собственно и является темой данной статьи. При обучении, как и при кормлении ребенка, способность к использованию объектов является само собой разумеющимся феноменом, но в нашей работе нам приходится иметь дело с развитием и формированием способности к использованию объектов и распознавать неспособность пациента к использованию объектов, если последняя имеет место.

Возможность наблюдать за интересными явлениями, ведущими к пониманию типичных шизофренических состояний, появляется при анализе пограничных случаев. Под термином «пограничный случай» я понимаю такой случай, в котором ядро нарушения пациента является психотическим, а психоневротическая организация пациента оказывается всегда подверженной психоневрозу

или психосоматическому заболеванию, когда центральная психотическая тревога в грубой форме угрожает своим прорывом. В подобных случаях психоаналитик может в течение многих лет молчаливо примиряться с потребностью пациента оставаться психоневротиком (в качестве противовеса сумасшествию) и проходить курс лечения, положенный психоневротiku. Анализ продвигается успешно, и все остаются довольными. Единственный недостаток здесь заключается в том, что такой анализ не имеет конца. Он может быть прерван, и пациент даже способен мобилизовать свое ложное психоневротическое «я» для прерывания анализа и выражения благодарности, однако на самом деле, пациент знает, что никаких изменений в его психотическом состоянии не произошло, и они с аналитиком лишь молча примирились с неудачей. Если аналитик и пациент признают эту неудачу, то она приобретает большое значение. Пациент становится старше, увеличивается вероятность его смерти в результате несчастного случая или болезни, и при этом уменьшается возможность реального суицида. Кроме того, такой анализ теряет свой смысл. Если бы психоанализ был образом жизни, то о подобном лечении можно было бы сказать, что оно привело к тому, чего от него ожидали. Но психоанализ не является образом жизни. Мы все надеемся, что наши пациенты закончат лечение, забудут нас и поймут, что необходимой терапией является сама жизнь. Хотя мы и пишем статьи об этих пограничных случаях, нас не покидает внутренняя тревога из-за того, что нам не удастся распознать встречающееся при этом безумие. Я попытался подробно рассказать об этом в статье, посвященной классификации (Winnicott 1959/64).

Перед тем как я начну изложение своей собственной точки зрения на различия между объектным отношением и использованием объекта, следует немного сказать и о некоторых других аспектах. При объектном отношении субъект допускает определенные изменения в своем «я», которые заставили нас изобрести термин «катексис». Объект приобретает значимость. Начинают действовать механизмы проекции и идентификации, и субъект истощается настолько, что в объекте оказывается его часть (хотя и обогащенная чувствами). Эти изменения

сочетаются с определенными (хотя и незначительными) физическими элементами, приводящими к возбуждению в направлении функциональной кульминации оргазма. (В данном контексте я умышленно не сказал об одном очень важном аспекте этого отношения — об осуществлении перекрестных идентификаций. О них не нужно упоминать здесь, потому что они осуществляются после той фазы, о которой я пишу в этой статье, то есть после перехода от самодостаточности и связи с субъективными объектами к использованию объекта.) (Winnicott 1968b.)

Объектное отношение является опытом субъекта, который можно описать при помощи понятия «изолированный субъект» (Winnicott 1958, 1963). Говоря об использовании объекта, я подразумеваю объектные отношения, в которые я добавляю новые черты, отражающие природу и поведение объекта. Например, в случае его использования объект обязательно должен быть реальным, то есть быть частью окружающей реальности, а не просто серией проекций. В этом, я полагаю, и заключается существенное различие между отношением и использованием.

Если я прав, то из этого следует, что обсуждение субъекта отношения является гораздо более легким делом для аналитиков, чем обсуждение использования объекта, поскольку отношение можно рассматривать как явление, относящееся к субъекту, а психоанализ всегда стремился исключить из сферы своей деятельности все факторы внешней среды (за исключением того случая, когда она рассматривается на основе проективных механизмов). Но при изучении использования объекта ничего нельзя упускать из виду — аналитик должен воспринимать объект не как проекцию, а как вещь в себе.

Позвольте на некоторое время допустить, что объектное отношение можно описать при помощи отдельно взятого субъекта, а использование объекта можно описать лишь на основе признания постоянного и независимого существования объекта. Вы увидите, что именно эти проблемы будут важны для нас при рассмотрении той области, на которую я обратил внимание во время работы над тем, что я называю переходными явлениями.

Данное изменение не происходит автоматически по

мере развития психики ребенка. Это деталь представляет для меня особый интерес.

Используем клинические термины: два ребенка сосут грудь; один воспринимает кормление как форму проекции, а другой — как использование молока из материнской груди. Матери, подобно аналитикам, могут быть хорошими и не очень: одни могут, а другие не могут поддержать ребенка при переходе от объектного отношения к использованию объекта.

Я хотел бы здесь напомнить, что главной особенностью понятия «переходный объект» и «переходное явление» (согласно моим представлениям о субъекте) является парадокс и принятие парадокса: ребенок создает объект, но этот объект уже существовал в том месте раньше, ожидая своего создания и превращения в катектированный объект. Я попытался привлечь внимание к этому аспекту переходных явлений, утверждая, что по правилам игры нам всем хорошо известно, что мы никогда не будем заставлять ребенка отвечать на вопрос: «Ты это создал или нашел?»

Теперь я готов перейти к непосредственному изложению своего тезиса. Кажется, я испытываю страх перед тем, чтобы сделать это, как будто опасаясь того, что после формулирования моего тезиса можно будет ставить точку в докладе, ведь данный тезис очень простой.

Чтобы использовать объект, субъект должен приобрести *способность* к использованию объектов. Это частично меняет принцип реальности. Нельзя сказать, что эта способность является врожденной и появляется у индивида сама собой. Развитие способности к использованию объекта представляет собой еще один пример процесса развития психики, зависящего от благоприятной среды.

Следовательно, можно сказать, что вначале существует объектное отношение, а в конце — использование объекта; между ними, однако, находится самая сложная вещь в человеческом развитии или самая трудная для последующего исправления ранняя неудача. Между отношением и использованием лежит помещение субъектом объекта за пределы всемогущего контроля субъекта, то есть восприятие субъектом объекта как внешнего явления, а не как проективной существа, —

фактическое признание объекта как полноправного существа.

Это изменение (от отношения к использованию) означает разрушение объекта субъектом. Какой-нибудь кабинетный философ, сидя в кресле, может возразить на это, что на практике не существует использования объекта: если объект внешний, то он разрушается субъектом. Стоит такому философу подняться со своего кресла и сесть на пол рядом со своим пациентом, как он обнаружит, что существует и промежуточная позиция. Другими словами, он увидит, что после «установления субъектом отношений с объектом» произойдет «разрушение объекта субъектом (так как объект становится внешним); и тогда может случиться, что «объект *переживет* свое разрушение субъектом». Но этого может и не произойти. Таким образом, в теории объектных отношений появляется новый аспект. Субъект говорит объекту: «Я разрушил тебя», и объекту нужно принять это сообщение. И тут субъект говорит: «Привет, объект!», «Я уничтожил тебя», «Я люблю тебя», «Ты ценен для меня, потому что ты выжил, хотя я тебя разрушил», «Пока я тебя люблю, я буду тебя уничтожать в бессознательных фантазиях». Здесь и начинаются фантазии индивида. Теперь субъект может *использовать* объект, который сумел выжить. Важно отметить, что дело не только в том, что субъект разрушает объект, поскольку последний находится за пределами всемогущего контроля: это важно выразить и по-другому, сказав, например, что разрушение объекта помещает этот объект за пределы всемогущего контроля субъекта. Благодаря этому объект становится автономным, начинает жить своей жизнью и (в случае выживания) оказывает влияние на субъекта в соответствии со своими собственными свойствами.

Иными словами, благодаря выживанию объекта субъект может начать жить в мире объектов, от чего он, несомненно, получает огромную пользу; но при этом нужно заплатить за разрушение объектного отношения в бессознательной фантазии.

Позвольте повториться. Речь идет о положении, которое индивид в состоянии достичь лишь на ранних стадиях эмоционального роста благодаря действительному выживанию катектированных объектов, которые

одновременно уничтожаются, потому что они реальные, и становятся реальными, потому что разрушаются (будучи по своему характеру подверженными разрушению и истощению).

Теперь, когда мы достигли этой стадии, проективные механизмы помогают *обратить внимание на объект, который находится в определенном, месте*, однако они не являются *причиной того, почему объект там находится*. Я полагаю, что данное заявление является отклонением от общепринятой психоаналитической теории, в которой внешняя реальность рассматривается лишь как проективные механизмы индивида.

Я уже изложил практически всю свою концепцию. Осталась только одна проблема: я не могу принять без доказательств тот факт, что первый импульс субъекта, направленный на объект (объективно, а не субъективно воспринимаемый) носит разрушительный характер.

Главная посылка этого тезиса заключается в том, что хотя субъект и не разрушает субъективный объект (материал для проекции), разрушение становится центральным моментом, поскольку объект воспринимается объективно, обладает автономией и принадлежит к «разделяемой» реальности. Это очень трудная часть моего тезиса (по крайней мере, для меня самого).

Мы все знаем, что принцип реальности вызывает у индивида гнев и стремление к реактивному разрушению, однако мой тезис заключается в том, что разрушение, помещая объект за пределами «я», играет определенную роль в создании реальности. Для того чтобы это произошло, необходимы благоприятные условия.

Путь к решению проблемы лежит в рассмотрении принципа реальности, находящегося под управлением высшей силы. Я думаю, мы знакомы с изменениями, посредством которых проективные механизмы помогают субъекту познать объект, причем проективные механизмы не являются в этом случае причиной существования объекта. В точке развития, являющейся объектом нашего исследования, субъект создает объект в смысле обнаружения своего внешнего выражения, и к этому следует добавить, что подобный опыт зависит от способности объекта к выживанию. (Очень важно, что это

выживание не означает «возмездие».) Если подобное происходит при анализе, то при деструктивных атаках аналитик, аналитическая техника и аналитический сеттинг способствуют выживанию или невыживанию объекта. Данная деструктивная активность представляет собой попытку пациента поместить аналитика за пределы области всемогущего контроля, то есть во внешнем мире. Без переживания максимальной деструктивности (незащищенности объекта) субъект никогда не сможет поместить аналитика во внешнем мире и, следовательно, не сможет переживать ничего, кроме своего рода самоанализа, используя аналитика в качестве проекции части «я». Если взглянуть на этот процесс с точки зрения кормления, то мы можем сказать, что пациент в этом случае способен лишь кормиться за счет своего «я» и не может использовать грудь для того, чтобы поправляться. Пациент может даже испытать удовольствие от аналитического опыта, однако у него не произойдет никаких существенных изменений.

Но если аналитик представляет собой субъективное явление, что же тогда можно сказать о «захоронении отходов»? Об этом следует поговорить особо.

В психоаналитической практике позитивные изменения могут носить достаточно глубокий характер. Они зависят не от интерпретаций, а от способности аналитика выдерживать атаки пациента, в которой присутствует идея отсутствия стремления к мести. Порой аналитику очень трудно выдерживать подобные атаки, особенно в тех случаях, когда они выражены в форме мании или осуществляются посредством манипулирования, что заставляет аналитика прибегать к технически вредным вещам (я имею здесь в виду ненадежность в тот момент, когда существует исключительная потребность в надежности). «Выдержку» я понимаю здесь в смысле «остаться в живых» и «отсутствие качества мести».

Аналитик стремится к осуществлению интерпретаций, однако это может повредить всему процессу и может показаться пациенту своего рода самозащитой, парированием аналитиком атак пациента. В этом случае лучше подождать окончания этой фазы, а затем обсудить с пациентом, что происходит. Это будет

совершенно нормальной вещью, поскольку аналитик также обладает своими собственными потребностями. Вербальная интерпретация в данном случае является необязательной и даже таит в себе определенную опасность. Обязательное условие при этом — это выдержка аналитика и точное следование психоаналитической технике. Представьте себе, какой травмой будет для пациента настоящая смерть аналитика, когда анализ находится в самом разгаре, хотя даже смерть аналитика не столь опасна, как появление у аналитика стремления к возмездию. Пациент просто должен решиться на деструктивную активность. Обычно аналитик выдерживает эти фазы трансферентного движения, и после каждой фазы он получает награду в виде любви пациента, которая усиливается существующим на заднем плане бессознательным разрушением.

Мне кажется, что идея фазы развития, связанной с выживанием объекта, оказывает влияние на теорию происхождения агрессии. Было бы неправильным сказать, что ребенок в возрасте нескольких дней от роду завидует груди. Истина здесь заключается в следующем: в том возрасте, когда младенец помещает грудь во внешнюю позицию (вне области проекции), характерной чертой его психики становится разрушение груди (в данном случае я имею в виду действительный импульс к разрушению). Важная часть действий матери — быть первым человеком, ведущим ребенка через этот первый вариант множества последующих атак, которые ей предстоит выдержать. Это самый подходящий период в развитии ребенка из-за его относительной слабости, чтобы он сравнительно легко пережил такое разрушение. Но даже и здесь этот процесс достаточно сложный:

когда ребенок кусает грудь и причиняет тем самым боль, сомнительно, чтобы мать могла ограничиться одной лишь моралистической реакцией ^{1.} Если младенец уже рождается с зубами, то в его развитии появляются серьезные проблемы, так как при этом станут невозможными нападения на *грудь* с использованием десен). Однако этот язык, обозначающий отношения с грудью, является жаргоном. Адаптация в процессе всего развития и управления связана с зависимостью, а не только с имеющим большое значение отношением с

грудью.

Мы увидим, что, несмотря на то, что я использую слово «разрушение», это действительное разрушение означает неспособность объекта к выживанию. Если объект обладает способностью к выживанию, то разрушение становится лишь потенциально возможным. Слово «разрушение» нужно не из-за имеющегося у младенца импульса к разрушению, а из-за предрасположенности объекта к гибели.

Способ рассуждения, характерный для моей статьи, создает возможность для нового подхода ко всей проблеме происхождения агрессии. Не следует, например, придавать врожденной агрессии большее значение, чем другим врожденным качествам. Врожденная агрессия, несомненно, должна количественно отличаться у разных индивидов, подобно всем остальным наследственным качествам. Различия во врожденной агрессии незначительны по сравнению со всеми наследственными предпосылками агрессивности. В отличие от этого, оттенки переживаний новорожденных исключительно разнообразны, независимо от того, ухаживают за ними или нет во время этой трудной для них фазы. Опыт, обусловленный этими различными переживаниями, также исключительно разнообразен. Кроме того, малыши, за которыми хорошо ухаживали в этой фазе, *клинически* выглядели более агрессивными, чем те, за которыми в это время не велось тщательного ухода. Для последней категории младенцев агрессия не была тем, что они могли освоить (она не носила для них Эго-синтонный характер), или тем, что могло сохраниться лишь в форме склонности быть мотивом атаки.

Все это требует пересмотра теории происхождения агрессии, так как большинство работ, написанных аналитиками по этой проблеме, было написано без учета того, о чем говорилось в данной статье. В классической теории всегда считалось, что агрессия носит реактивный характер при столкновении с принципом реальности, в то время как на самом деле качество внешней реальности создается влечением к разрушению.

Позвольте мне немного коснуться вопроса о месте этой атаки и выживания в иерархии взаимоотношений. В этом отношении наиболее примитивным и своеобразным

выглядит полное уничтожение. Оно означает «никаких шансов»: катексис иссякает по той причине, что никакого научения не происходит. Атака в гневе, вызванная столкновением с принципом реальности, представляет собой более сложное понятие, занимающее второе место после разрушения, о котором я здесь говорил. При разрушении объекта *пациент совсем не испытывает гнева*. Можно сказать, что в этом случае имеет место радость от выживания объекта. С этого момента (или развития из этой фазы) объект будет всегда разрушенным *в фантазии*. Это качество «всегда быть разрушенным» создает реальность выживающего объекта, ощущаемого в качестве такового, усиливает чувство и способствует устойчивости объекта. Теперь объект можно использовать.

В заключение мне хотелось бы сказать о понятии «использование». Под этим термином я не имею в виду «эксплуатацию». Как аналитики мы знаем, что означает «использовать»: это означает, что мы можем увидеть момент окончания лечения, даже если это произойдет через несколько лет. Многие наши пациенты приходят к нам, когда у них уже нет этой проблемы: они могут

использовать объекты, могут использовать нас или анализ подобно тому, как раньше они использовали родителей, родственников и их семьи. Тем не менее существует большое количество пациентов, которые нуждаются в том, чтобы мы дали им способность использовать нас. Чтобы удовлетворить потребности этих пациентов, нам следует знать о том, что я говорил здесь о нашем выживании под воздействием *их* деструктивноеTM. У пациента возникает бессознательное стремление к разрушению аналитика, и мы или выдерживаем это или принимаемся за еще один бесконечный анализ.

РЕЗЮМЕ

Объектные отношения можно охарактеризовать как опыт субъекта. Описание использования объекта включает в себя рассмотрение характера этого объекта. Я предлагаю в качестве предмета обсуждения причины того, почему способность к использованию объекта является, на мой взгляд, более сложной, чем способность к объектному отношению. Отношение может возникнуть и с субъективным объектом, однако использовать можно лишь тот объект, который является частью внешней

реальности.

Последовательность этапов процесса использования следующая: (1) субъект образует связь с объектом; (2) объект находится в процессе обнаружения вместо того, чтобы быть помещенным субъектом во внешний мир; (3) субъект разрушает объект; (4) объект выдерживает попытки своего разрушения; (5) субъект может использовать объект.

Объект все время находится в разрушенном состоянии. Это разрушение становится бессознательной основой любви к реальному объекту, то есть объект находится вне досягаемости всемогущего контроля субъекта.

Изучение этой проблемы связано с утверждением о позитивной ценности деструктивности. Деструктивность, наряду с выживанием объекта при попытке его разрушения, помещает объект за пределами области действия проективных психических механизмов, поэтому возникает мир разделяемой реальности, которую субъект может использовать и от которой он может получать обратную связь.

БИБЛИОГРАФИЯ

WINNICOTT, D. W. The observation of infants in a set situation (1941). *Collided Papers*, London: Tavistock Publications, 1958.

The capacity to be alone (1958). In: Winnicott, 1965. Classification: Is there a psycho-analytic contribution to psychiatric classification (1959/64). In: Winnicott, 1965.

Roots of aggression
In The Child, the Family,
and the Outside World
(1964). Harmondsworth:
Penguin Books.

The Maturational
Processes and the
Facilitating Environment
(1965). London: Hogarth
Press.

The location of
cultural experience. *Int.J.*
Psycho-Altai, 48,